

Столяров Алексей Олегович

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О РОССИИ И СССР В ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (1989-2010 ГГ.)

В статье рассмотрена связь исторической памяти польских политиков о России и СССР и основных элементов польской национальной идентичности. Автором представлены примеры использования в польской политике образов России и СССР в качестве образов внешнего "другого". Основу источниковой базы статьи составили стенограммы заседаний верхней и нижней палат польского парламента (Сената и Сейма) в 1989-2010 гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 161-164. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(438)+94(47)

Исторические науки и археология

В статье рассмотрена связь исторической памяти польских политиков о России и СССР и основных элементов польской национальной идентичности. Автором представлены примеры использования в польской политике образов России и СССР в качестве образов внешнего «другого». Основу источниковой базы статьи составили стенограммы заседаний верхней и нижней палат польского парламента (Сената и Сейма) в 1989-2010 гг.

Ключевые слова и фразы: историческая память; национальная идентичность; новейшая история Польши; дебаты в парламенте Польши; польско-российские отношения.

Столяров Алексей Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет

sao-spb@mail.ru

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О РОССИИ И СССР
В ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (1989-2010 ГГ.)[©]**

Польско-российские отношения имеют более чем 1000-летнюю историю. На протяжении всего этого времени, практически от зарождения государственности, обе страны оказывали взаимное влияние друг на друга. Влиянию подвергались и национальные идентичности. Особенно актуально это было для Польши, так как после разделов Речи Посполитой в XVIII в. стала очевидна определенная асимметрия в польско-российских отношениях.

А. Васильев отмечает: «Между памятью и идентичностью существуют отношения взаимозависимости. Идентичность укоренена в памяти, идентификация – одна из основных (наряду с легитимацией) функций коллективной памяти. Манипуляции памятью являются одновременно и манипуляциями с идентичностью. Память же в свою очередь зависит от присвоенной себе идентичности» [1, с. 16]. Важнейшей функцией, которую выполняет историческая память о России и СССР для польской национальной идентичности является формирование и обоснование образа «Другого», опоры этой идентичности. Так, Айвор Нойман обратил внимание на то, что «русские используются, чтобы играть роль неевропейского «Другого» для внешних групп (в данном случае для восточноевропейских наций – прим. автора – А. С.) для аргументации их европейскости» [10, с. 160].

Не вызывает сомнения, что одной из важнейших составляющих любой национальной идентичности является память о собственной значимости, достижениях, победах. Польская национальная идентичность не является исключением. В ней присутствует значительный элемент героизации собственной истории. Так, сенатор от Серадзского воеводства из избирательной акции «Солидарность» (ИАС) Станислав Чещла 19 февраля 1998 г. в своем выступлении коснулся ряда исторических событий, вспоминая: «На помощь Европе, находящейся в опасности, Ян III Собеский поспешил в 1683 году... Здесь необходимо вспомнить 1920 год, Варшавскую битву, которая защитила не только нашу страну, но и всю Европу от большевистского ига. Понимают ли полностью народы Западной Европы размер опасности, которая им тогда угрожала? Наверное, нет. Если бы было по-другому, памятники Пилсудскому стояли бы в Берлине, Брюсселе и Париже» [9].

Весьма популярным среди польских политиков в 1989-2010 гг. была идея о том, что поляки сражались на всех фронтах Второй мировой войны. 9 марта 1990 г. Мариан Женкевич из фракции Союз Демократических Левых Сил вспоминал: «Наш народ заплатил в минувшей войне самую высокую цену. Это наши отцы и братья сражались на всех фронтах мира. Это они через пески Ирана и Тобрука, через Монтекассино, Голландию, через фьорды Норвегии, через степи Украины и болота Беларуси под разными флагами сражались за нашу свободу. Сражались также и в стране, на улицах Варшавы, в лесах Кампиноса, на Келетчине» [15, с. 200].

Историческая память о польской борьбе, героической, пусть и не всегда успешной, теснее всего связана с событиями XVIII-XX вв. – временем разделов, восстаний, восстановления Польшей независимости и еще одного, «четвертого раздела» страны. Депутат от фракции «Лига польских семей» Станислав Папеж 4 декабря 2002 г. сказал: «История нашей Родины показала, что есть такие моменты, когда для народов появляются вещи более важные, чем материальные блага. Ими являются хотя бы честь, национальная гордость, любовь к Родине или необходимость обладания собственным государством» [7]. Среди таких моментов польские политики чаще всего называли восстание Костюшко, Ноябрьское, Январское, Великопольское и Варшавское восстания. Все эти события сенатор Рышард Бендер, избранный от округа № 6 (Люблин) из избирательного комитета «Право и Справедливость» (ПиС) 4 ноября 2009 г. назвал «трудной, тернистой, героическую дорогой к независимости, которой прошли наши отцы» [17, с. 7]. Примечательно, что большинство восстаний, за исключением Великопольского восстания, и в некоторой степени забастовки «Солидарности» в 1980 г. потерпели поражение. Однако, как тогда же, 4 ноября 2009 г., заметил сенатор Чеслав Рышка, избранный от округа № 27 (Ченстохова) из избирательного комитета ПиС в большинстве проигранных польских восстаний «больше всего считалась моральная сторона и политическая сторона этого великого рывка к свободе» [Ibidem, с. 8]. Таким образом, можно говорить о формировании определенного культа поражения, ставшего воплощением польского романтизма.

Обратив внимание на перечень вспоминаемых польских восстаний XVIII-XX вв., легко заметить, что Россия или Советский Союз практически во всех них играли роль одной из сторон противостояния (за исключением Великопольского и Силезских восстаний). Даже в памяти о Варшавском восстании 1944 г. СССР занимал важное место, несмотря на то, что его действия (бездействие) достаточно косвенно касались того, что происходило в Варшаве в августе-октябре 1944 г. Так, депутат от группы «Польша XXI» Анджей Валковяк отметил 10 сентября 2009 г., говоря о Варшавском восстании: «Тогда также была последняя надежда, что освобождаясь из немецкого плена, мы не попадем в объятия Советов. К сожалению, эта надежда умерла вместе с поражением восстания» [18, с. 229].

Исследователь Т. Зарицкий отмечает, что в польской национальной идентичности сосуществуют представления о собственном превосходстве (героических военных победах) и восприятие себя в качестве жертвы. Зарицкий объясняет это сочетанием постколониального и постимперского синдромов [2, с. 68]. Если последний из них связан с памятью о существовании Речи Посполитой Обоих народов, на территории которой, помимо поляков, жили литовцы, а также предки нынешних украинцев и белорусов, то формирование постколониального синдрома связано с последствиями разделов Польши в XVIII в., а также с событиями 1939-1989 гг. Именно этим синдромом объясняется формирование у представителей польской политической элиты негативного отношения к империям и всему имперскому в исторической памяти. 25 июня 1992 г. сенатор от Ломжинского воеводства, представитель избирательного объединения «Католической избирательной акции» (КИА) Р. Бендер сказал: «Россия, которая исчезла на полвека, возвращается на карты Европы. Надеюсь, что это уже не будет Россия, верная былым, имперским целям, потому что это было бы трагично для нас и для нее самой» [14, с. 38].

Теснее всего постколониальный синдром, восприятие себя в качестве жертвы, в польской национальной идентичности связан с периодом советского доминирования 1944-1989 гг. и предшествующими ему годами Второй мировой войны. Элементы польской идентичности, опирающиеся на историческую память об этом времени несут яркую эмоциональную окраску. В первую очередь это объясняется хронологической близостью вспоминаемого периода, а также личной связью «вспоминающих» с событиями того времени. Польские политики 1989-2010 гг. либо непосредственно были свидетелями этих исторических сюжетов, либо таковыми свидетелями и участниками были их знакомые или родственники.

6 марта 1992 г. сенатор от Лодзи, представитель КИА Вальдемар Бохданович обратился к Сенату с просьбой разработать проект заявления в память 52-й годовщины высылки поляков в Сибирь в 1940 г. Бохданович сказал: «Мученичество польского народа уходит корнями в нашу историю, занимает одну из страниц, которую необходимо огласить публично для живущего поколения поляков. Я имею в виду тысячи мужчин и женщин, молодых и детей, которые в различные моменты нашей народной судьбы были высланы по приговорам, а часто и без них в далекие и чужие земли, в Сибирь. Сибирь – не только географическое понятие. Она является синонимом жертвенности, казни, растущего архипелага страдания и изнурительного принудительного труда» [13, с. 31].

Символом мучений польского народа стала не только Сибирь. Пожалуй, самым известным символом страданий и жертвенности поляков в XX в. стала Катынь. 13 ноября 1992 г. Сенат выступил с заявлением о Катынском преступлении. В нем отмечалось, что «Катынь уже полвека была и остается словом-символом польской мартирологии на востоке, которую пытались скрыть, оболгать, спрятать ее исполнителей. Она также была символом памяти польского народа о крови мучеников и страданиях всех тех, кого расстреливали, мучили в тюрьмах, лагерях и сибирских ссылках. Она также была символом тех граждан государства, которые спасли свою жизнь, но были обречены на рабский труд, голод, истощения и невзгоды, недостойные человека» [11].

Обращает на себя внимание, что источником страданий польского народа часто называются коммунистические власти Польши и Советский Союз. Очевидно, в первую очередь это связано с тем, что период советского доминирования над Польшей длился дольше, чем оккупация Третьим Рейхом. Безусловно, это важное место польской исторической памяти не могло не отразиться на национальной идентичности. Эта составляющая идентичности в 1989-2010 гг. всячески поддерживалась на официальном уровне.

Очень редко в выступлениях польских политиков можно встретить критику подчеркивания страданий поляков. Автору удалось обнаружить единственное замечание депутата от ИАС Вальдемара Павловского, который сказал, что «в ближайшем будущем нельзя будет создать разумного и толкового варианта отношений между Польшей и евразийским континентом вплоть до Японского моря (*имеется в виду Россия – прим. автора – А. С.*), если смотреть на это пространство только через призму польского национального мученичества, судеб польских ссыльных, заключенных царских каторг и советских лагерей. Этот взгляд неприятен нынешним жителям и хозяевам этих территорий и государств, население которых так же страдало при самодержавии и тоталитаризме, как мы» [5]. В 1989-2010 гг. подобная позиция была крайне непопулярной.

Историческая память о России и Советском Союзе поддерживает стабильность существования польской идентичности. В этой исторической памяти Россия и СССР часто – агрессивные государства, нарушающие естественные права поляков. Примечательно, что при этом, сложные вопросы из истории самой Польши «забываются», появляясь в политическом дискурсе только в ответах на претензии извне. Одним из таких «забываемых» сюжетов является вопрос о гибели красноармейцев в польском плену в 1920-1921 гг. – вопрос, который со стороны России пытались (не на официальном уровне) использовать в качестве «антикатыни» – противовеса обвинениям в ответственности за катынские преступления. Польская сторона была категорически не согласна с подобной постановкой вопроса. Президент Л. Качиньский 5 сентября 2009 г. отметил, что нельзя сравнивать смерть красноармейцев в польском плену в 1920 г. и Катынь: «не получается

сравнить эпидемию тифа и других болезней (это несчастье, потому что множество молодых людей умерло) с приказом убить 30 тысяч человек, потому что они являются польскими офицерами» [12]. В 1989-2010 гг. польские политики «обходили» и другие «неудобные» исторические сюжеты. Например, вопрос об аннексии Польшей в 1938 г. Тешинской области.

Попытки властей Российской Федерации создать государственный праздник День народного единства 4 ноября, привязав его к событиям Смутного времени, в частности, к капитуляции польского гарнизона Кремля в 1612 г., встречали в среде польской элиты негативные оценки. 9 мая 2000 г. депутат от ИАС Стефан Нещеловский сказал: «...возвращение Российской Федерацией государственного праздника для чествования 1613 года (*sic* – прим. автора – А. С.) открыто направлено на Польшу. Такой потребности не было» [6]. А сенатор Р. Бендер отметил еще 19 ноября 1992 г., что празднование подобных годовщин ведет к противоречиям между государствами [16, с. 142].

Очевидно, что историческая память о России и СССР в польской национальной идентичности значительно упрощена и выполняет для этой идентичности определенные функции. Депутат от Польской крестьянской партии Януш Доброш 16 февраля 1996 г. подчеркнул, что «Польша и поляки познали со стороны разных российских режимов много бед» [4]. А. Липатов пишет: «Поляки не могут забыть – стереть из своей индивидуальной и общественной памяти – насилия России над их Родиной» [3, с. 9].

Примечательно, что одновременно с этим многие польские политики в 1989-2010 гг. подчеркивали культурное превосходство поляков над русскими. Так, депутат из фракции ПиС Роман Чепе 22 февраля 2006 г. отметил, что русские, «которые цивилизационно были еще немного позади нас, которые были более скупы и которые были для нас даже более невыносимы» [8] управляли всей Польшей после 1945 г. Историческая память о русских, представителях менее цивилизованного народа, дополняла память о них как об агрессорах.

В общественной дискуссии, в дебатах в польском парламенте, причем не только о внешней, но и о внутренней политике вспоминались исторические эпизоды, в которых фигурировала Россия: имперская, советская, современная. Претензии к России и чувства с ними связанные, разные по силе, в той или иной степени влияли и продолжают оказывать влияние на восприятие поляками самих себя.

Польские политики за чуть более чем 20 лет не смогли трансформировать свою историческую память о России и Советском Союзе. Скорее, наоборот, закрепили ее. Не в последнюю очередь потому, что стабильность этой памяти обеспечивала стабильность польской идентичности.

Список литературы

1. Васильев А. Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идеи России в 21 веке. М., 2013. С. 3-30.
2. Зарицкий Т. Российский дискурс в Польше: образ России в конструировании польской идентичности // Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентичностей (1998-2002 гг.) / сост. Е. Н. Данилова, В. А. Ядов. СПб., 2006. С. 63-88.
3. Липатов А. В. Трудное соседство // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / сост. А. В. Липатов, И. О. Шайтанов. М., 2000. С. 7-14.
4. 2 kadencja, 73 posiedzenie, 3 dzień (16.02.1996) [Электронный ресурс] // Prace Sejmu II kadencji. URL: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata2.nsf/main/7ABD108C> (дата обращения: 10.06.2014).
5. 3 kadencja, 78 posiedzenie, 1 dzień (09.05.2000) [Электронный ресурс] // Prace Sejmu III kadencji. URL: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata3.nsf/main/23065ED6> (дата обращения: 10.06.2014).
6. 3 kadencja, 78 posiedzenie, 1 dzień (09.05.2000) [Электронный ресурс] // Prace Sejmu III kadencji. URL: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata3.nsf/main/0CD9FD97> (дата обращения: 10.06.2014).
7. 4 kadencja, 37 posiedzenie, 2 dzień (04.12.2002) [Электронный ресурс] // Prace Sejmu IV kadencji. URL: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata4.nsf/main/605C30CE> (дата обращения: 10.06.2014).
8. 5 kadencja, 11 posiedzenie, 1 dzień (22.02.2006) [Электронный ресурс] // Prace Sejmu V kadencji. URL: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata5.nsf/main/187A28C6> (дата обращения: 10.06.2014).
9. 8. posiedzenie Senatu RP, część 1 stenogramu [Электронный ресурс] // Posiedzenia Senatu IV kadencji. URL: <http://ww2.senat.pl/K4/DOK/sten/008-t/081g.htm> (дата обращения: 10.06.2014).
10. Neumann I. B. The East in European Identity Formation. Minneapolis, 1999.
11. Oświadczenie Senatu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 13 listopada 1992 r. o zbrodni katyńskiej // Monitor Polski. 1992. № 36. Poz. 261.
12. Prezydent w «Sygnałach dnia» o obchodach 70. rocznicy wybuchu II Wojny Światowej i podwyższaniu podatków [Электронный ресурс] // Prezydent. PL. URL: <http://www.prezydent.pl/archiwum/archiwum-aktualnosci/rok-2009/art,15,541,prezydent-w-sygnałach-dnia-o-obchodach-70-rocznicy-wybuchu-ii-wojny-swiatowej-i-podwyższaniu-podatkow.html> (дата обращения: 10.06.2014).
13. Sprawozdanie stenograficzne z 8 posiedzenia Senatu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 6 marca 1992 r. Warszawa, 1992.
14. Sprawozdanie stenograficzne z 16 posiedzenia Senatu Rzeczypospolitej Polskiej w dniach 25 i 26 czerwca 1992 r. Warszawa, 1992.
15. Sprawozdanie stenograficzne z 23 posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniach 8 i 9 marca 1990 r. Warszawa, 1990.
16. Sprawozdanie stenograficzne z 26 posiedzenia Senatu Rzeczypospolitej Polskiej w dniach 12, 13 i 19 listopada 1992 r. Warszawa, 1992.
17. Sprawozdanie stenograficzne z 43. posiedzenia Senatu Rzeczypospolitej Polskiej w dniach 4 i 5 listopada 2009 r. Warszawa, 2009.
18. Sprawozdanie stenograficzne z 49 posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 10 września 2009 r. (drugi dzień obrad). Warszawa, 2009.

HISTORICAL MEMORY ABOUT RUSSIA AND THE USSR IN THE POLISH NATIONAL IDENTITY (1989-2010)

Stolyarov Aleksei Olegovich
Saint Petersburg State University
sao-spb@mail.ru

The article examines the interrelation of the Polish politicians' historical memory about Russia and the USSR and the basic elements of the Polish national identity. The author provides the examples of using the images of Russia and the USSR as the images of the alien –other– in the Polish politics. The shorthand records of the meetings of the Upper and Lower Houses of the Polish Parliament (the Senate and the Sejm) in 1989-2010 served as the source basis of the article.

Key words and phrases: historical memory; national identity; contemporary history of Poland; debates in the Polish Parliament; the Polish-Russian relations.

УДК 343.35:343.222

Юридические науки

В статье рассматривается одна из актуальных проблем квалификации транспортных преступлений – проблема определения формы вины в деяниях, посягающих на безопасность движения и эксплуатации транспорта и сформулированных как материальные составы преступлений. На основании анализа нормативных актов, судебной практики, теоретических точек зрения на рассматриваемую проблему, а также исследования сущности преступлений, совершенных с двумя формами вины, автор обосновывает положение о том, что транспортные преступления с материальными составами следует признавать совершенными с неосторожной формой вины.

Ключевые слова и фразы: транспортные преступления; форма вины; неосторожность; умысел; преступления, совершенные с двумя формами вины.

Тарасов Сергей Владимирович

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
tarasov_sv_88@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФОРМЫ ВИНЫ В ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ[©]

Исследование транспортных преступлений в настоящее время остается одной из самых дискуссионных областей уголовно-правовой науки. Это объясняется как молодостью самого института уголовной ответственности за транспортные преступления, так и тем, что ряд проблемных аспектов, касающихся транспортных преступлений, подвергся детальной теоретической разработке лишь во второй половине XX века. Одним из таких проблемных аспектов является вопрос определения формы вины в транспортных преступлениях. Актуальность исследования данной проблемы определяется как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, от правильного определения формы вины в конкретном преступном деянии зависит его квалификация по соответствующим статьям Уголовного кодекса и назначение виновному в совершении данного деяния справедливого наказания. Во-вторых, правильное определение формы вины в транспортных преступлениях служит основой и ориентиром для построения системы наказаний за транспортные преступления вообще, позволяя отграничить преступления небольшой и средней тяжести от тяжких преступлений и в соответствии с этим дифференцировать пределы наказаний за соответствующие преступные деяния.

Проблема определения формы вины относится главным образом к составам транспортных преступлений, которые сформулированы законодателем по типу материальных. Что касается иных транспортных преступлений, включенных в главу 27 Уголовного кодекса Российской Федерации и являющихся формальными составами, то здесь, как правило, проблем с определением форм вины не возникает. Такие преступления совершаются в основном в форме умысла [12].

Сложность в определении формы вины в транспортных преступлениях с материальными составами обусловлена, в первую очередь, сложностью объективной стороны данной группы рассматриваемых преступлений, которая состоит не только из действия, выражающегося в нарушении установленных правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, но и из вредных последствий, причиняемых в результате совершения преступного деяния, и причинной связи между действием и последствиями. Исходя из этого, проблема определения формы вины в транспортных преступлениях с материальными составами заключается в том, считать ли такие транспортные преступления совершенными по неосторожности либо разграничивать вину в форме умысла по отношению к действию и вину в форме неосторожности по отношению к вредным последствиям. Ряд ученых (А. И. Чучаев, А. И. Коробеев, И. М. Тяжкова и др.) придерживаются точки зрения, что транспортные преступления с материальными составами следует признавать в целом как совершенные